

НЕКРАСОВСКОЕ КАК ДОСТОЕВСКОЕ

Сложные литературные отношения Некрасова и Достоевского изучались и до сих пор изучаются обычно как противостояние и противоборство. Хотя уже более пятидесяти лет отделяют нас от времени появления статьи В.Е. Евгеньева-Максимова, которая имеет подзаголовок «Некрасов в борьбе против Достоевского и дворянских либералов»¹, общая тональность борьбы по-прежнему окрашивает все исследования данной темы. Между тем гораздо важнее для осмысления отношений двух писателей понять не их политическую борьбу, которая, конечно, была, а их поэтическое родство, которое нами фактически не замечено. В настоящих заметках я коснусь только одного эпизода, хотя очевидно, что аналогичные наблюдения можно было бы сделать и при обращении к иному материалу.

Более того, главным пафосом моего обращения к данной теме является представление Некрасова как грандиозного предтечи множества поэтических тем русской литературы. Его ранняя лирика содержит мотив «кающегося дворянина», который в нашем сознании тесно связан с творчеством Л. Толстого и который, однако же, еще до Толстого был глубоко разработан именно Некрасовым². В «Тонком человеке...» и даже в «Трех странах света» мы найдем будущие тургеневские мотивы в изображении русской природы и дворянской усадьбы, которые очевидно прослеживаются и в его ранних стихах. Вообще Некрасов с его темпераментом журналиста и фельетониста стремительно обходил своих современников в выявлении и постановке новых тем в литературе, поэтому раннего Некрасова можно было бы назвать энциклопедией основных тем русской литературы второй половины XIX в. Однако эти темы не могли быть реализованы в лирике, хотя, конечно, причиной этого была не недостаточность таланта, но то ли не жанровые особенности, то ли общие представления времени, что лирике подобное содержание не адекватно. Во всяком случае, в основе этого отказа от разработки данных тем лежало представление о их недоступности для поэзии. И потому темы эти, весьма актуальные и злободневные (не только в политическом, но и в сугубо литературном смысле), были обстоятельно разработаны в прозе другими авторами – современниками Некрасова, поскольку свято место пусто не бывает.

Этот пафос моего выступления, сформулированный в заглавии – «Некрасовское как достоевское», должен означать следующее: то, что было открытием некрасовским, осознается нами как изобретение Достоевского, – хотя для установления правильной историко-литературной перспективы следует понимать эти изобретения якобы Достоевского как открытия Некрасова. При этом, отдавая пальму первенства Некрасову, мы несколько не умалим значения Достоевского, которому в данном истолковании будет принадлежать такая разработка темы, которую не смог осуществить (довести до конца) Некрасов.

Далее мы рассмотрим только один эпизод «интертекстуальных» отношений (применим этот термин, хотя он вовсе не отвечает нашему пониманию проблемы) Достоевского и Некрасова, который, как представляется, вполне адекватно отражает принцип их литературных отношений. Увеличение числа примеров едва ли сможет усилить аргументацию изложенных выше тезисов.

¹ *Евгеньев-Максимов В.Е.* Все еще не разысканная повесть Н.А. Некрасова «Как я велик!» (Некрасов в борьбе против Достоевского и дворянских либералов) // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 1949. № 8.

² См. об этом: *Строганов М.В.* Человек в русской литературе первой половины XIX века. Тверь, 2001. С. 168–174; *Он же.* «Кающийся дворянин» Н.А. Некрасов // Чудовский сборник: Материалы Всероссийской конференции «Чудовские чтения». 7–8 июня 2000 г. Великий Новгород, 2001. С. 26–32.

В незаконченном романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–1848) есть вставной эпизод встречи извозчика Ваньки с сестрой Агашей. Сестра уже давно покинула родную деревню, живет в Петербурге у тетки и мыкает горе. Судьба брата-извозчика не требует объяснений: одно его имя Ванька все объясняет читателю. Чтобы скрыть слезы, Агаша переводит разговор на лошадь. И тут Некрасов вставляет такой эпизод:

«Одер, – сказал извозчик, дернув опять изо всей силы вожжу и прихлестнув кнутом тощее животное, которое, вздрогнув, побежало из последних сил, брыкнув задом и вскидывая обе разом длинные и тощие передние ноги так высоко и странно, что Агаша, несмотря на грустное расположение свое, не могла не усмехнуться. Извозчик, упираясь и туго натянув вожжи, должен был проехать несколько шагов на своих больших сапогах, как на лыжах, пока остановил ее, и, остановив, продолжал: – Еще с утра, как выедешь, туда и сюда! А к вечеру хоть оглоблей вози, только зад вскидывает, того и гляди в зубы сноровит! Вишь, туда же, задом бить!.. Вот я тебя выучу задом бить! – Тут он забежал вперед и начал хлестать клячу по голове.

– Ну, не бей ее, – сказала Агаша. – Вишь, она у тебя и так кости да кожа.

– А что мне ее жалеть-то! – сказал он. – Всё одно от хозяина – бей не бей, только покажись на двор, и пойдет: “Мошенники! бога в вас нет! живота не жалете! гоняете сломя голову...”. Да, разгонишься с таким одром! Вишь, корова безрогая! Повесила морду-то!.. – И тут он снова поощрил клячу, приноровив удар свой по красной и лоснящейся ссадине, едва начинавшей заживать на холке заморенного животного».

Потом Ванюха катал сестру вскачь, «для чего беспрестанно передергивал вожжами и нещадно хлестал лошадь, вымещая на тощих боках ее и то, что староста требует недоимку, а жена на хлеб, и то, что жена стара, и то, что Агаше у тетки житья нет, и многое другое, отчего ему приходилось солоно жить на свете, а может быть, впрочем, и без всякой мысли, единственно из желания показать, что и от него тоже может прийтись солоно, или думая потешить сестру». «Ты ее очень мучишь» – говорит ему Агаша³. Более лошадь в этой истории не упоминается.

Но в романе «Три страны света» (1848–1849), написанном Некрасовым совместно с А.Я. Панаевой, история извозчика и его лошади будет рассказана вновь и несколько иначе. Один из героев этого романа нанял извозчика. «Кляча едва тащилась, поминутно спотыкаясь. Извозчик раза два ударил ее по костлявым бокам и потом, поправляя шапку на голове, с отчаянием бормотал:

– Господи, господи! ишь, упрямая какая стала!

Они выехали на большую и роскошную улицу; разбитые и усталые ноги лошаденки скользили по деревянной мостовой». По требованию седока извозчик на некоторое время остановил лошадь, а потом снова получил приказ ехать.

«Извозчик дернул вожжами, но лошадь не двигалась; он грозно замахал ими в воздухе, лошадь упорно оставалась на одном месте. Извозчик кричал, бранился и, рассердясь, ударил свою лошаденку. Сделав отчаянное усилие, проехала она два-три шага, слабые ноги скользнули, и она упала на деревянную мостовую. Глухой стон вырвался из груди извозчика, вожжи выпали из его рук; он как шальной глядел на растянувшуюся свою клячу, у которой бока высоко подымались от тяжелого дыхания, шея и морда вытянулись и в глазах столько было страдания, что страшно было смотреть».

Извозчик «тревожно глядел во все стороны, как будто думая сыскать себе помощи; но кругом было тихо и пусто. От волнения бедный ванька (теперь это не имя собственное, как было в предыдущем случае, но уже нарицательное название извозчика. – М.С.) ничего не мог сделать; он кричал на лошадь, нукал; но она грустно и непод-

³ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1984. Т. 8. С. 265–266. (далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы).

вижно лежала, слезливо глядя на своего хозяина». Через некоторое время извозчик вновь «кинулся к своей лошади, но, нагнувшись к ней, отскочил и остолбенел: кляча лежала с закрытыми глазами. Извозчик упал на свои оборванные дрожки и зарыдал. Долго оплакивал он свою кормилицу посреди большой улицы... Начали появляться прохожие. Они останавливались, равнодушно глядели на мертвую клячу, на извозчика и продолжали свой путь... случались и такие, которые, оглядев с участием околевшую лошадь, осыпали извозчика упреками <...>.

Через час околелую лошаденку положили на роспуски, к которым привязали дрожки, и такая же измученная кляча, выбиваясь из сил, потащила ее с богатой улицы...» (9 (II), 192–193).

Любому читателю и слушателю этих сцен в контексте темы «Некрасов и Достоевский» приходит на ум знаменитый сон Раскольников, сон о потрясшем его в детстве истязании измученной, загнанной лошади. Приводить его за общеизвестностью нет никакого смысла⁴. В комментарии Г.Ф. Коган в Полном собрании сочинений Достоевского указываются два основных источника сцены. Во-первых, это «жизненный» источник – воспоминания детства самого Достоевского: сцена проезда фельдъегеря, избивавшего ямщика, который, в свою очередь, нещадно хлестал лошадь. Об этом источнике мы знаем из воспоминаний Достоевского в «Дневнике писателя за 1876 г.» (январь, гл. III, раздел I). Во-вторых, источник литературный – фрагмент из второй части цикла «О погоде» – «До сумерек» (1859)⁵. Приведем этот текст:

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она запаталась и стала.
«Ну!» – погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И, вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих сместило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился – и думал уныло:
Не вступить ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, –

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 46–49.

⁵ Там же. Т. 7. С. 368–369. Обо всех этих источниках при гораздо более пространным изложении см.: Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Л., 1979. С. 96–98.

Да себе не умеем помочь!»

А погонщик недаром трудился –

Наконец-таки проку добился! (2, 179–180).

Указание на стихотворение из цикла «О погоде», конечно, правильно. Этот текст Достоевский хорошо знал и помнил: он упомянут и в романе «Братья Карамазовы» в главе «Бунт». Но фрагменты из ранней некрасовской прозы гораздо ближе к сцене Достоевского, чем стихи 1859 г. Сама сцена битвы Некрасова в стихах уже мало волнует. Лошадь изображается как «жертва народа». И поэтому гораздо больше самого битва поэта возмущает другое:

Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась – и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке (2, 180).

Достоевский в трактовке события остается на уровне раннего Некрасова. Некрасов же в 1859 г. не может уже просто сочувствовать угнетенному и забитому человечеству, он ненавидит покорность и безответность забитых и угнетенных.

Некрасов, таким образом, еще в 1840-х гг. открывает тему, которая уже в 1860-х станет как бы визитной карточкой Достоевского (известны воспоминания о том, что Достоевский выбрал сон Раскольникова для одного из публичных чтений, чем вызвал страшный шок в большинстве публики⁶). И для нашего понимания проблемы неважно, знал или не знал Достоевский некрасовские тексты. Хотя, конечно, известно, что Достоевский после возвращения с каторги внимательнейшим образом знакомился с материалами «Современника», значит, мог и должен был прочитать и «Три страны света». Для нашего понимания проблемы гораздо важнее, что Некрасов обозначал темы, которые другой писатель вне зависимости от прямого некрасовского воздействия мог подхватывать и разрабатывать. Мы ведем речь не о влиянии одного автора на другого, но о первородстве темы⁷. Можно было бы сказать, что как в старшем и младшем братьях дважды возрождаются общие родовые черты, так и тема лошади дважды рождалась в русской литературе: сначала в прозе Некрасова 1840-х гг., а потом в романе Достоевского. И как два брата, темы эти похожи, но не по причине их генетической зависимости друг от друга, а по причине единства их генезиса.

Можно сказать еще и так, что Достоевский вторично открывает некрасовскую тему и доводит силу ее воздействия до шокового эффекта. Шоковый эффект – это, конечно, приоритет Достоевского. Но не следует забывать, что Некрасов открывал эту тему на двадцать лет ранее⁸.

⁶ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1971. С. 351; Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 369.

⁷ Проблеме влияния фрагмента из сатиры «До сумерек» на ряд произведений русской классической литературы («Холстомер» Л. Толстого, «Коняга» М. Салтыкова, «Хорошее отношение к лошадям» В. Маяковского и, конечно, сон Раскольникова) посвящена статья: Гин М.М. Судьба одного сюжета // Гин М. Литература и время. Петрозаводск, 1969. С. 187–204.

⁸ Следует, впрочем, отметить, что тема лошади у Некрасова впервые появилась в фельетоне «Петербургские дачи и окрестности» в «Литературной газете» (1844. 13 июля; 12 (I)).